

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации
«Поэтика русской постмодернистской прозы рубежа XX-XXI вв.:
типы пространства и времени в воплощении кризисного сознания»,
представленной Колмаковой Оксаной Анатольевной
на соискание учёной степени
доктора филологических наук
по специальности 10.01.01. Русская литература

Диссертационная работа О. А. Колмаковой отличается всеми содержательными и методологическими характеристиками развёрнутого глубокого исследования с философской направленностью мышления. Очевидна **актуальность** осмысления новейшего литературного процесса в его мировоззренческом содержании и знаменательных художественных тенденциях. Особо актуален выбранный аспект рассмотрения – выяснение связи социокультурных явлений и форм остранированной рефлексии при их осмыслении. При этом анализируется не только артикулированная проблематика и заявленная ценностная позиция, но экзистенциальное самоопределение писателей – выбор художественной модели пространственно-временного континуума, адекватно представляющего положение человека в мире, социуме, истории. Темпоральная рефлексия в контексте постмодернизма – как поиск степени собственной творческой свободы – ещё не разработанный аспект данной парадигмы мышления, и в этом главная **новизна** предпринятого исследования.

Научная значимость диссертации О. А. Колмаковой состоит не только в масштабном и разноплановом описании концептуальных моделей хронотопа в прозе рубежа XX-XXI вв., но и в неординарности исходных установок, за которыми тоже стоит продуманная принципиальная позиция. Заявленная тема включает в себе три проблемы: 1) каково объективное содержание кризиса и насколько глубоко индивидуальные формы его осознания-отображения? 2) каков аксиологический и творческий статус постмодернистской эстетики – является она порождением, выражением и потому продолжением кризиса или релевантным ответом на вызов истории? 3) чем обусловлена наметившаяся типология художественных решений, воспроизводимая в разных творческих системах?

Каждая из проблем сама по себе требует глубокой разработки и обоснованного решения. Исследовательский опыт О. А. Колмаковой даёт значимые результаты.

Исходная позиция диссертантки в понимании природы кризисных состояний философская (в неустойчивом видится потенциал развития) и, соответственно, дедуктивная в трактовке конкретной проблематики. Так сформулирована во «Введении» общая концепция рассмотрения художественного процесса – изучение «деструктивно-игровых художественных тенденций как отражающих сущность современной культуры, которая переживает своеобразный “кризис новорожденного”: оформление нового типа культуры – информационной» (с. 12). Отказ от алармизма обеспечивает объективность отбора и неоценочного рассмотрения материала, но идея переходности, а не катастрофы диктует отбор авторов и текстов, так ли иначе тяготеющих к традиционной системе ценностей (даже наиболее радикальный из всех 10 авторов – М. Елизаров – эпатажно актуализирует ретросознание как воинственное языческое христианство). Общее содержание кризиса описано в Главе I, и предполагается, что все его составляющие очевидны для пребывающих во времени перехода писателей, которые вместе представляют «кризисное сознание» эпохи, запечатлённое в форме «текста кризисного времени» (с. 16). Парадигма кризисного сознания описана как фиксация на знаковых образах аперспективного хронотопа (*лабиринт, клетка*) и поиск свободы как переключения в состояние *квази*. Тем самым, очевидно, выделена и описана онтопоэтика, представляющая когнитивные процессы в образах, рождённых современным коллективным сознанием (а не бессознательным), которое, в силу витальной интенции, настроено на суггестию воли к жизни в художественном выражении и проекцию позитивного начала если не в реальность, то в воссозданную сферу идеального.

Между тем, перспектива современного кризиса и в отечественном, и в мировом масштабе описывается как научный эсхатологический прогноз: «Краткая история будущего» Ж. Аттали (СПб., 2014), «Нелинейное будущее» А. Назаретяна (М., 2013) и др. Поскольку информационная культура по своей природе интеллектуальна, а все рассмотренные в диссертации писатели этой

доминанте психики соответствуют, то возникает вопрос: чем отличаются индивидуальные трактовки кризиса уже не сознания и культуры, а самой цивилизации? что привносят отдельные авторы в общую очевидную картину? По всей работе рассеяны отдельные наблюдения: так Т. Толстая описывает крах литературоцентричной цивилизации, а для В. Пелевина важнее в современной культуре не кризис идентичности, а личности (с. 274), т. е. её отсутствие. Хотелось бы большей прописанности субъективной трактовки причин и перспектив кризиса и, соответственно, возможных путей выхода. Отсюда следует другая формулировка вопроса: если есть всё-таки общее «кризисное сознание», то каково его личное интеллектуальное наполнение?

Второй аспект темы – решение проблемы взаимоотношений модернизма и постмодернизма. Отбор авторов и трактовка направленности их творчества показывают, что в научной концепции О. А. Колмаковой приставка *пост-* означает преемственность. Об этом свидетельствуют частные и общие выводы. Такова характеристика представителя старшего поколения: «Проза Маканина – своеобразный компромисс между традиционным реализмом, элементами условно-символической, притчевой поэтики и постмодернистским экспериментом» (с. 80). Так описывается стратегия А. Королева, Т. Толстой, И. Клеха и М. Шишкина: «Воссоздание внутреннего мира человека эпохи кризиса этими писателями определяется нами как обращение к перцептуальному (психологическому) хронотопу модернизма» (с. 18). Так оценивается перспектива развития «младших», использующих модернистские открытия: «Анализ условного “творческого хронотопа” в постмодернистской прозе О. Славниковой, В. Пелевина и М. Елизарова позволяет сделать вывод о том, что погружение в пространство сакрального расширяет границы постмодернизма как творческого метода и выводит поэтику названных писателей за рамки постмодернистского эксперимента» (с. 302). Если обобщить выводы, то представление о постмодернизме как об «эксперименте», систематически использующем открытия предшественника, переводит этот принцип мышления в статус не оппонента, а наследника модернизма и – в силу деидеологизированной пустотности приёма –

возможной переходной стадии к посткризисной модели творчества. Но не есть ли современная история не восхождение, а динамика смены кризисных ситуаций – и в творческих опытах нового поколения нужно искать не столько узнаваемое, сколько неведомое?

Основания для исследовательской разработки концепции постмодернизма как преемственности-трансфера – трактовка современного общества как «транзитивно-революционного» (с. 52), а также признание демонстративной игры идентификатором поэтики постмодернизма. Действительно, природа игры как амбивалентной формы деятельности даёт для этого основания. Но, как справедливо отмечено со ссылкой на культурологов, игра – сам базис творчества, а игровая стилистика эксплицирована в русской прозе, начиная с древнего «плетения словес» и предмодернизма Гоголя (с. 12). Поэтому следует поддержать идею плодотворности использования игровых приёмов для актуализации абсолютных смыслов: «Игра с присущей ей энергией обновления и пробуждения становится способом ремоделирования кризисной реальности. Свидетельством тому выступают аллюзии и интерпретации мифа» (с. 307). Можно согласиться, что критерием определения автора как постмодерниста можно считать его приверженность к деконструкции и апологию релятивизма (с. 60), а показателем формы признать эклектику, «сочетание элементов различных художественных систем» (с. 60). Но только соединение релятивистской этики и эстетики даёт полную характеристику поэтики постмодернизма, которой соответствуют отнюдь не все рассматриваемые авторы. В связи с этим целесообразно ввести понятие «стиля периода постмодерна» без отождествления с мировоззрением постмодернизма, что и позволит обоснованно рассматривать как реакцию на гуманистический и антропологический кризис творчество Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской, В. Маканина (до романа «Испуг»), Т. Толстой, В. Пелевина и др.

Работа О. А. Колмаковой значима тем, что содержит чрезвычайно богатый и теоретически глубоко осмысленный материал о действенном участии на рубеже XX-XXI вв. модернистской модели творческого самоопределения художника в релятивистской по гносеологической направленности культуре, отмеченной

опытами с языком, трансформацией времени, отчуждённой антропологией, парадоксальными приёмами актуализации безусловного. Открывается спектр проблем историко-литературного и теоретического порядка, не только требующий уточнения оснований для определения типологической принадлежности конкретного автора, но и дающий оценку действительной степени самобытности его текстов. Так эклектика может признаваться не только как формообразующий фактор, но и симптом неспособности к оригинальному творчеству. Virtuозное письмо М. Шишкина, например, можно рассматривать как пафос эпигона – прозаическую реализацию идей И. Бродского и Т. Элиота о языке, перед которым склоняется время и следование за С. Соколовым, ибо даже самооправдание уличённого в плагиате автора – его претензия на создание «текста текстов» – калька с замысла Ст. Малларме. Следовательно, тема «кризисное сознание» не может быть рассмотрена только как зеркало времени, но должна включать в себя вопрос о кризисе конкретного авторского сознания, не только в поиске собственного пути, но и, например, в актуальном для нынешней исторической ситуации определении соотношений трагизма и абсурда.

Третий аспект темы – основания для выделения типологических явлений: 1) мотивированный выбор ряда близких авторов и 2) выявление в их текстах общей образной системы как отражение ментальности кризисной эпохи. Стремясь к объективности исследования феномена «кризисного сознания», О. А. Колмакова отбирала литературный материал, представляющий максимально широкий спектр факторов ментальности: поколенческий, гендерный и, главное, принцип восприятия времени. Сложность классификации должна обеспечить широкий охват и глубину освоения материала. Следует отметить значимость имён и выбор целого ряда разнообразных текстов, адекватно представляющих художественную систему авторов. Разноликость творческих индивидуальностей требовала как единой методологии при интерпретации текстов, так и вхождения в субъективную логику мышления. Это условие самого высокого профессионализма в целом выполнено: так, например, метафизический реализм Ю. Мамлеева отнесён к бытовому хронотопу, поскольку сюрреалистический по

типу образ авторского мышления действительно акцентирует вещность, материальность, узнаваемость реальности и дорожит чувственным опытом переживания двойственности существования. Но выстраиваемая Мамлеевым тринарная модель мироздания под знаком Бездны всё-таки трудно согласуется с утверждением, что «в основе мистических построений автора лежит идея воссоздания нестабильного бытия кризисной эпохи конца XX столетия» (с. 107).

Выделение трёх поколений логично и плодотворно, поскольку так соотносятся истоки и результаты: творчество старших раскрывает генезис самой ситуации кризиса, в конце представлен образ письма генерации, сформировавшейся в условиях доминирования негативистско-релятивистских тенденций. Выбор представителей поколений соответствует синдрому кризисности, но, как уже было сказано, не всегда ментальным симптомам самого постмодернизма. Неполная идентифицируемость ведущих фигур компенсируется активной апелляцией к фону, представленному «патентованными» носителями постмодернистского сознания (отнюдь не кризисного по самоощущению): Вик. Ерофеевым, П. Крусановым, В. Сорокиным.

Три типа хронотопа – паройкиальный, перцептуальный, «творческий» – в целом маркируют письмо трёх поколений, но, как представляется, в прозе некоторых авторов (Петрушевская, Толстая, даже Елизаров) присутствуют все варианты переживания и изображения времени. Тем не менее, выстроенная схема преобладания определённого типа темпоральной рефлексии соответствует общей тенденции и степени погружения в игру, отвлечённую от миметических обстоятельств и обязательств.

Выявлена и описана художественная система: типологические ситуации хронотопа, устойчивые мотивы обращения к определённым топосам, спектр «кризисных личностей», компенсационная миссия языковой игры – в этом главное **научное достижение** О. А. Колмаковой. Это результат глубокого освоения обширнейшего материала, наблюдательности, точных обобщений. Диссертация содержит богатый материал для исторической компаративистики, в этом **теоретическая и практическая** значимость работы, **личный вклад** О. А.

Колмаковой в освещение и осмысление литературного процесса XX века. Исследовательница не ограничивается современным контекстом и стремится выстроить типологические параллели с кризисом модернизма в 20-30-е годы. Как представляется, содержательно это разные периоды – в первую очередь по трагическому наполнению исторического времени, но следует отметить широту мышления, владение материалом, эвристический потенциал сопоставлений, вплоть до неординарного наблюдения о конкуренции этики Достоевского и Платонова в сознании современных авторов.

Следует отметить терминологически насыщенный, но ясный и гибкий стиль написания научной работы. Чуткость к языку продемонстрирована в анализе писательских экспериментов: так отмечена роль палиндромов в опытах Шишкина (с. 217). Тонкость исследовательского описания образной системы и психологического наполнения процесса переживания времени проявлена, в частности, при рассмотрении тема паузы у Маканина и интерпретации «Чёрного квадрата» (с. 98). Сочетание зоркости к деталям и зрелости обобщений – знаменательная особенность аналитического мышления О. А. Колмаковой. Следует поддержать один из главных выводов её исследования: «Темпоральность как “код” современной кризисной культуры фиксирует ее пороговость, нестабильность и выражается в идее приоритетности времени по отношению к пространству» (с. 308). Это наблюдение соответствует не только литературным опытам, но и тенденциям в изобразительном искусстве, не говоря о музыке.

Научная добросовестность, дотошный анализ огромного материала обусловили достоверность выводов о сложившейся системе мышления: она описана как рефлексия о фундаментальных условиях существования – пространстве и времени, выявлены знаменательные топосы, элиминированы из многочисленного ряда персонажей типы героев, персонализирующих статус разума в условиях кризиса ценностей и традиционной картины мира, выделены нарративные модели и слова-концепты, маркирующие мироощущение и миропонимание авторов, которые представляют эпоху в её бытовом проявлении и в метафизических устремлениях отдельных художников. Репрезентативность

материала и основательность осмысления обеспечивают научную значимость, высокую плодотворность проведённого исследования. Результаты работы О. А. Колмаковой найдут применение в преподавании курса новейшей русской литературы.

Спорные положения, высказанные в работе, стимулируют научную дискуссию о взаимоотношениях модернизма и постмодернизма, о сущности кризисов и перспективе переходов, об оценке творческого потенциала отдельных авторов. Глубоко и последовательно реализован междисциплинарный подход к освещению социокультурных ситуаций, к осознанию природы времени, так филология рассматривает особенности связи литературы с реальной жизнью.

Работа О. А. Колмаковой прошла серьёзную апробацию, о чем свидетельствуют 50 публикаций, из них 2 монографии, 3 учебных пособия (2 – в соавторстве), 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, а также многочисленные выступления на конференциях разных уровней в российских научных центрах (Москва, Екатеринбург, Новосибирск и др.). Автореферат и опубликованные работы в полной мере отражают содержание диссертации.

Диссертация О. А. Колмаковой «Поэтика русской постмодернистской прозы рубежа XX-XXI вв.: типы пространства и времени в воплощении кризисного сознания» соответствует всем требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. N 842), а ее автор заслуживает искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 Русская литература.

4.02.2015

Профессор кафедры новейшей русской литературы
факультета филологии и журналистики
ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
доктор филологических наук

И. И. Плеханова

Плеханова Ирина Иннокентьевна
Адрес факультета: 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2
Рабочий телефон: 8-395-2-24-39-95
e-mail:

